

портреты

О С М Л И Р Ь Н О В А

Хирург и онкогинеколог когда-то снималась для французского Vogue, а сейчас защитила кандидатскую и борется с раком шейки матки не только в операционной: она разработала скрининг, который может спасти жизни тысяч россиянок.

В

Всемирная организация здравоохранения уверена, что у нас есть шансы победить рак шейки матки уже в XXI веке. Но российская статистика не улучшается, женщины все так же болеют и умирают. Почему?

Сейчас рак шейки матки находится на первом месте по заболеваемости и смертности среди россиянок 39–45 лет, а также входит в число наиболее часто пропускаемых опухолей. Программы диспансеризации не помогают вовремя выявлять заболевание, а у женщин все еще нет привычки планомерно обследоваться у врача. Их тоже можно понять: многие не хотят лишней раз сталкиваться с медициной, потому что не верят в ее качество. Большинство россиянок живет с установкой «пойти к врачу, когда заболело», но с раком шейки матки это не работает. Долгое время он не вызывает жалоб, симптомы появляются только на 2-й стадии, когда лечиться уже сложнее.

Как не пропустить рак шейки матки, какие исследования нужно делать?

Ежегодно посещать гинеколога и сдавать два теста — онкоцитологию и анализ на вирус папилломы человека (ВПЧ). Связь между ним и раком шейки матки была доказана еще в 1970-х, но многие до сих пор про это не знают. Увы, в России так и не введена массовая вакцинация от ВПЧ, которая могла бы защитить женщин.

Если рак шейки матки выявлен без опозданий, он хорошо поддается лечению?

Да, это тот случай, когда можно уверенно сказать пациентке: «Мы вас вылечим». По возможности без серьезных разрезов, химиотерапии и даже с сохранением беременности. В онкологии есть термин «пятилетняя выживаемость». При раке шейки матки она достигает 60–80%, и это хорошие цифры. Но большинство женщин узнает про болезнь слишком поздно, поэтому, несмотря на совершенствование лечения, смертность не снижается.

И тут должен помочь скрининг, за введение которого ты борешься. Объясни, что это такое.

Во время скрининга мы массово обследуем здоровых людей, чтобы обнаружить болезнь до того, как она себя проявит. Такой подход работает далеко не со всеми видами рака. Например, можно получить хороший результат на УЗИ яичников, а через пару дней там обнаруживается опухоль. Шейка матки идеально подходит под все критерии скрининга, и мы уже подтвердили это в рамках пилотного исследования в НИИЦ онкологии им. Петрова. Обследовали 1000 петербурженок, и почти у 10% был обнаружен онкологический или преопухольный процесс, о котором они не подозревали. Теперь тестируем программу на примере целого региона — Новгородской области.

А что потом? Реально ли ввести скрининг во всех регионах России? Или хотя бы в Петербурге?

Это самая амбициозная цель проекта, поэтому финальные результаты будут направлены в Минздрав. Часто невозможность введения скрининга в России объясняют тем, что это очень дорого. Поэтому в рамках исследования мы сравниваем эффективность дорогого международного ВПЧ Digene-теста и локального ВПЧ, а также локальную цитологическую окраску и общемировой ПАП-тест. А еще выясняем, как сделать так, чтобы женщины приходили

на скрининг — например, в каком формате им удобно получить приглашение на обследование.

Шок-контент: когда-то ты занималась моделингом и даже снималась для французского Vogue. Каково это — быть врачом и моделью?

Я называю это скромно — моя «биполярочка». Это был классный опыт, с большим количеством путешествий и знакомств, но все же в операционной и среди коллег-врачей мне интереснее.

Есть мнение, что женщина-хирург сталкивается с большим количеством препятствий в работе. Что думаешь ты?

Гендерное неравенство в хирургии присутствует как нигде. Когда я училась в Первом меде (Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. Павлова. — Прим. ред.) и говорила, что хочу стать оперирующим онкологом, в ответ не раз звучали насмешки: «Тебе-то куда?» Чтобы у людей не было возможности тебя осадить, нужно всегда быть на коне: отлично владеть мануальными навыками, быть в курсе всех актуальных медицинских данных.

А еще в медицине важно встретить врача-наставника. На кого из петербургских онкологов равнялась ты?

В немецком языке есть разделение на Doktorvater и Doktormutter, то есть на доктора-папу и доктора-маму. Мой доктор-папа — это Игорь Берлев, заведующий отделением онкогинекологии в Песочном. Он помог нашей команде добиться успехов в хирургии и признания сообществом ESGO, и вообще выступает за любой кипиш: «А давайте пробовать!» Доктор-мама — профессор Елена Ульрих, проректор известной династии онкологов и человек, на чей профессионализм и манеру общения стоит равняться. В Петербурге вообще очень сильная онкологическая школа. Несколько лет назад я стажировалась в университетской клинике «Шарите» в Берлине, и во время таких командировок тебя пытаются всячески удивить, показать самые сильные стороны. Оказалось, меня удивить сложно, потому что мы работаем по идентичным протоколам и с теми же высокими технологиями.

На днях фонд медицинских решений «Не напрасно» запустил онлайн-сервис Screen 2.0, и ты отвечала за раздел, посвященный раку шейки матки. Что можно узнать о своем здоровье с помощью этого сервиса?

Ты отвечаешь на вопросы и получаешь персональные рекомендации по профилактике рака. Я разработала 15-минутный тест, который помогает оценить здоровье шейки матки: нужно ли обратиться к врачу, насколько скоро это стоит сделать, какие варианты скрининга тебе доступны. А еще до конца года заработает сайт «По-женски» — просветительский проект, созданный на средства гранта Андрея Павленко (онколог-хирург из Петербурга, публично боровшийся с раком желудка. — Прим. ред.). Там будет собрана вся актуальная информация о женских онкозаболеваниях — раке яичников, тела и шейки матки, раке вульвы. Большинство пациенток при возникновении проблем со здоровьем сразу же идут в интернет. А так как качество информации на русском языке оставляет желать лучшего, мы решили это исправить. 🇷🇺

ВАЖНО:

Работает в «Ментор Клиник» и в НИИЦ онкологии им. Петрова — это высокотехнологичный центр лечения рака в поселке Песочный, куда направляют пациентов со всей страны.

Защитила кандидатскую диссертацию на тему предоперационной химиотерапии рака шейки матки.

Ольга Смирнова — героиня проекта «Новые имена в медицине Петербурга». Это база проверенных молодых врачей от «Собака.гу».

Снялась в модном кампейне #СИЛАТЕБЕ вместе с прима-балериной Марией Абашовой и правозащитницей Аленой Поповой.

На Ольге: платье Sandro, обувь Maje

Текст: КАТЕРИНА РЕЗНИКОВА
Фото: АЛИНА ГОРБАЧЕВА

портреты

ЛИЛИЯ БУРДИНСКАЯ

Танц-художница, основательница центра современного танца Bye Bye Ballet и победительница фестиваля Context. Diana Vishneva сыграла в грандиозном проекте Эрмитажа «Флора» в постановке австрийского режиссера Жаклин Корнмюллер.

В

В сентябре Эрмитаж запустил «литературные мистери» «Флора»: в 12 перформансах, посвященных 12 шедеврам музея, приняли участие актеры Андрей Феськов, Сергей Мигицко, Александра Ревенко. Тексты написали Татьяна Толстая, Зэди Смит, Евгений Володашкин. Как началась ваша работа над проектом?

Был карантин, и я жила на даче, когда пришло письмо от Жаклин: она предложила обсудить проект в Эрмитаже. Я согласилась, и она перезвонила спустя минуту. Это был видеозвонок, я увидела Жаклин, драматурга Питера Вольфа и поняла, что попала на audition. Они попросили провести экскурсию по даче и пригласили сыграть богиню Флору в перформансе, посвященном картине Франческо Мельци.

Флора и Лилия — в чем их главное отличие?

Флора говорит: «Разве мои руки не прекрасны, разве они не созданы для рукоделия?» Но проблема в том, что ей девичьи занятия совсем не нравятся. Флору тянет к земле, к растениям, к плодам. Я же никогда не работаю с почвой, даже на даче. Зато обожаю вышивать и вязать, делать декорации для своих спектаклей. Постоянно сижу с иголками, ювелирничая. Вязание кружев, тонких, как паутина, — это я. Но не она. Поэтому роль Флоры — это игра на сопротивление, точка роста для меня.

Эрмитаж — святыня для Петербурга, место с грандиозной историей и институцией с набором своих правил. Вам было комфортно работать среди шедевров?

Я вставала в 7:00, чтобы в 9:00 быть в Эрмитаже. Выходила из дома, поворачивала с улицы Чайковского на набережную и шла в музей. Мне кажется, это идеальный сценарий для утра петербуржца. Работая над «Флорой», я ни разу не приносила жертв, не шла на компромиссы как художница. Думаю, дело в людях, с которыми я работала. Мы обнимались под великолепными люстрами со смотрительницами музея, и они с нежностью говорили: «Ты наша Флора!» После премьеры все участники проекта получили подарки: мужчины — галстуки с узорами винтажных ковров, а женщины — парфюм, который итальянский парфюмер собрала из ароматов цветов, изображенных на картине «Флора» Франческо Мельци. В подарках были визитка Михаила Пиотровского и сообщение, что участницы «Флоры» могут обращаться к нему за помощью, если будет необходимость. Для меня это поступок мужчины, а не просто директора Эрмитажа.

Для меня «Флора» в том числе проект про дихотомию «мужское-женское».

Кто больше всего ходит в музей? Женщины. Кто работает в них? Женщины. Кто изображен на картинах Эрмитажа? Чаще всего женщины. Но художники, создавшие эти шедевры, — мужчины. Сейчас, когда так много болезни и тревоги, назвать проект в честь богини плодородия и восстановления — это жест. Для меня «Флора» — отчасти феминистическое произведение.

Вы причисляете себя к феминизму?

У меня очень женственная профессия, но чтобы в ней выжить, нужно быть сильной и страстной. Я без поддержки родителей выбрала свою профессию, подростком уехала учиться в Англию и уже 13 лет одна воспитываю дочь. Поэтому скажу так: я феминистична в своей феминности. Я не отделяю эти два явления, они сосуществуют внутри меня.

Вы назвали инстаграм @beinglilya. Что это значит?

Я каждый день исследую, что это такое — быть Лилией? Смотрю на себя со стороны. Я чувствую, что идеи, которые

ко мне приходят, глубокие и от этого одинокие. Там, где есть глубина экзистенциального опыта, есть одиночество. Иногда я считаю себя отшельником и сознательно отстраняюсь от мира.

О покоем мироощущении пишет Оливия Лэнг в «Одиноким городе».

Я люблю Оливию. А еще мне нравится, что она жива. Что я могу быть подписана на нее и наблюдать, как она выращивает цветы и живет с новым бойфрендом.

Вы уехали в Англию в конце 90-х и поступили в London Contemporary Dance School «The Place». Почему?

Есть миф, что я дико хотела танцевать. Что это была мечта. На самом деле я просто была грустной и несчастной. Я не хотела учиться на менеджера. Но в России у меня не было role model в танце, мне не нравились учителя, которые использовали унижение. О том, что у меня есть талант, я узнала только в 15 лет, уехав на лето в Англию. В фильмах девушка легко поступает туда, куда хочет, ее встречает парень с цветами. В жизни все иначе. Меня из России гнало несчастье. Я была подростком из хорошей семьи, но между нами лежала пропасть. Родители не понимали мою тягу к художественному. Это был побег.

Как жизнь вне России повлияла на вас, на творчество?

Я сформировалась на английском языке. Когда говорю на английском, появляется другая Лилия. Моя англичанка более четкая, дерзкая. Она многому научила русскую девочку, сделала ее личностью. Я не воспринимаю себя как русского человека, но я разделяю культурный код России. Несу его внутри себя.

Культурный код России — что вы имеете в виду?

Символизм и образность. Русские моментально считывают метафоры. Как-то фильм «Морозко» показали на фестивале в Америке как любимую сказку русских детей. Люди были в ужасе. Они не понимали, почему девочка свеклой трет себе щеки и кто такой старичок-боровичок. Они видели психодел, сидели в ужасе. Наш культурный код тесно связан с фольклором. Как бы мы ни называли себя православными, когда я прихожу на кладбище, я вижу конфеты около могил. Подкармливать души мертвых — это ведь совсем не христианский обычай, правда?

Вернувшись, вы основали школу современного танца Bye Bye Ballet и занимались ею целых 10 лет. Это было мечтой, бизнесом или стечением обстоятельств?

Все началось с того, что у меня появилось свое пространство: комната и зал. Я сказала тогда: «Сюда положу все книжки и буду сидеть читать, а если мне захочется танцевать, буду уходить в зал». Но друзья хором заговорили про школу. Я сопротивлялась, но в итоге решила, что поступаю несправедливо. У моих родителей были деньги отправить меня в Англию. У других таких ресурсов не было. Я должна была вернуть долг, сохранить баланс. Я пропала в Bye Bye Ballet (именно пропала!) 10 лет. А потом ушла. Почувствовала, что расплатилась. Теперь могу танцевать, когда хочется. Мечтами движут раны.

Танц-сообщество в России — мир еще более изолированный и недоступный, чем, например, театральное комьюнити. Можете посоветовать «точку входа»?

Есть очень классный инстаграм @perpaket. Этот аккаунт объединил российское танц-сообщество — его контент понимают только те, кто причастен к танцу. Юмор колкий, но абсолютно классный. Когда появился взгляд со стороны на самих себя, то стало понятно — сообщество есть.

ВАЖНО:

Бурдинская работала с легендарными хореографами Мерсом Каннингемом и Тришей Браун, а в своих перформансах «Распад атома» и «Девид» соединила современный танец с практиками йоги и медитации.

В 2011 году Лилия представила экзистенциальный перформанс «Марафон». Художница танцевала без перерыва 31 час, освобождаясь таким образом от последствий академического образования.

В 2022 году Бурдинская планирует написать и выпустить учебник по композиции танца, а также продолжить создавать онлайн-курсы «Со-ЛОДОМА» и «Моно» для тех, кто хочет с помощью танца переосмыслить пространство дома, избавиться от рутины и одиночества.

На Лилию: трени Sandro

Текст: АЛИНА ИСМАИЛОВА
Фото: КСЕНИЯ ВАЩЕНКО

СТИЛЬ: ДАРЬЯ ПАШИНА. ВИЗАЖ И ВОЛОСЫ: ЕВГЕНИЙ СОМОВ. СВЕТ: SKYPOINT

